

Николай Васильевич Гоголь. Тарас Бульба

Оригинал текста: в Публичной электронной библиотеке Евгения Пескина

Редакция 1842 г.

I

- А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрысники? И эдак все ходят в академии? - Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе и приехавших домой к отцу.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, еще смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого еще не касалась бритва. Они были очень смущены таким приемом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

- Стойте, стойте! Дайте мне разглядеть вас хорошенько, - продолжал он, поворачивая их, - какие же длинные на вас свитки! Экие свитки! Таких свиток еще и на свете не было. А побегу который-нибудь из вас! я посмотрю, не шлепнется ли он на землю, запутавшись в полы.

- Не смейся, не смейся, батьку! - сказал наконец старший из них.

- Смотри ты, какой пышный! А отчего ж бы не смеяться?

- Да так, хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу!

- Ах ты, сякой-такой сын! Как, батька?... - сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько шагов назад.

- Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

- Как же хочешь ты со мною биться? разве на кулаки?

- Да уж на чем бы то ни было.

- Ну, давай на кулаки! - говорил Тарас Бульба, засучив рукава, - посмотрю я, что за человек ты в кулаке!

И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали насаживать друг другу тумачи и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

- Смотрите, добрые люди: одурел старый! совсем спятил с ума! - говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевавшая еще обнять ненаглядных детей своих. - Дети приехали домой, больше году их не видали, а он задумал невесту что: на кулаки биться!

- Да он славно бьется! - говорил Бульба, остановившись. - Ей-богу, хорошо! - продолжал он, немного оправляясь, - так, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будет козак! Ну, здорово, сынку! почеломкаемся! - И отец с сыном стали целоваться. - Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил; никому не спускай! А все-таки на тебе смешное убранство: что это за веревка висит? А ты, бейбас, что стоишь и руки опустил? - говорил он, обращаясь к младшему, - что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?

- Вот еще что выдумал! - говорила мать, обнимавшая между тем младшего. - И придет же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось (это дитя было двадцати с лишком лет и ровно в сажень ростом), ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться!

- Э, да ты мазунчик, как я вижу! - говорил Бульба. - Не слушай, сынку, матери: она-баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба - чистое поле да добрый конь: вот ваша нежба! А видите вот эту саблю? вот ваша мать! Это все дрянь, чем набивают головы ваши; и академия, и все те книжки, буквари, и философия - все это ка зна що, и плевать на все это! - Здесь Бульба пригнал в строку такое слово, которое даже не употребляется в